

у будущих специалистов художественно-эстетического мировоззрения и научного представления о генезисе художественного образования в области изобразительного искусства Урала. Использование историко-педагогического опыта может способствовать большему накоплению знаний и тем самым сохранению и более активному проявлению традиционных форм регионального искусства.

Примечания

¹ Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1965.

² Молева, Н.М., Белютин Э.М. Педагогическая система Академии художеств XVIII века. М., 1956.

Н.Н. Мамаева (УрГУ)

ХРАМ КАК АРХИТЕКТУРНЫЙ ОБЪЕКТ В СТРУКТУРЕ ГОРОДСКОЙ ЗАСТРОЙКИ СОВРЕМЕННОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ЦЕНТРА

В дореволюционной России не было ни одного, даже самого маленького и провинциального города, в котором бы не существовало хотя бы нескольких церквей. При этом храм был не только центром духовной и религиозной жизни города, но и играл ведущую градобразующую роль. Один из историков русской архитектуры как-то заметил, что на Руси было достаточно много не самых удачных с точки зрения их архитектурного решения храмов, но не было ни одного неудачно поставленного. Действительно, найти пример «плохо поставленной» церкви практически невозможно. Зато история русского церковного зодчества дает нам десятки блистательных примеров, когда храм столь эффектно смотрится с самых разных и подчас неожиданных точек, что оставляет яркое незабываемое впечатление, даже если по внешнему своему облику является вполне заурядным.

В дореволюционном Екатеринбурге главные храмы города были поставлены именно с учетом их градобразующей роли. Возвышаясь на главных площадях города Екатерининский, Богоявленский соборы совместно с Максимилиановской и Святодуховской церквями образовывали треугольник доминирующих архитектурных вертикалей, составлявших основу пространственной организации Екатеринбурга. В зоне действия ведущих доминант имелась группа второстепенных, подчиненных им по высоте церковных зданий. Ядро главных храмов огибало кольцо из удаленных от центра церквей — Лузинской, Возне-

сенской, Крестовоздвиженской, Троицкой и т.д. Существовал план строительства городских церквей, который хотя и не был до конца осуществлен, тем не менее, позволил создать достаточно стройную и законченную систему.

После революции эта система была практически полностью разрушена. Крупнейшие городские церкви, образывавшие смысловое ядро городской застройки снесли. Большинство других храмов были переданы светским учреждениям или разрушены. К настоящему времени в городе возрождено четырнадцать храмов. Однако большинство из них безвозвратно утратили связь со своей архитектурной средой и сейчас на фоне современной застройки выглядят некими чужеродными включениями.

При этом больше всего повезло кладбищенским церквям. Те кладбища, которые не были уничтожены, практически сохранили свой облик и поэтому Всехсвятская церковь на Михайловском кладбище и сейчас смотрится именно так, как она была задумана изначально. Также удачно сложилась и судьба часовни Во Имя Благоверного Князя Александра в дендропарке. Но эти примеры являются скорее исключением. Если мы посмотрим на окружение других церквей, то мы увидим, что они полностью утратили свою доминирующую роль или даже выглядят неким архитектурным курьезом. Свято-Троицкий кафедральный собор, практически полностью заслонен зданием цирка и недостроенной телевизионной башней. С другой стороны его подавляет огромный Атриум Палас Отель, который с учетом его постконструктивистских форм вызывающе дисгармонирует со строгим классицистическим обликом собора.

Ансамбль Вознесенской горки, который в свое время был гордостью Екатеринбурга, сейчас является выразительным примером антиансамблевости. Здесь «сталкиваются лбами» барокко, классицизм, конструктивизм, постконструктивизм, рядовая неоготическая застройка 1960-х гг. и нео-неовизантийский стиль. Все это создает впечатление хаотического нагромождения зданий без малейшего учета их стилового облика.

Достаточно странно смотрится Крестовоздвиженская церковь рядом с кирпичными зданиями современного екатеринбургского зоопарка. И хотя внешний облик церкви, несомненно, выразителен и привлекает внимание, но масса красного кирпича по соседству убивает все впечатление.

Впрочем, этим зданиям еще повезло. Куда печальнее, например, судьба Преображенской церкви на Уктусе, которая фактически уютится на задворках завода, так что верующие даже не имеют возможности обойти храм.

Разумеется, изменить что-либо в судьбе этих церквей уже не представляется возможным. Полностью перестраивать целые городские кварталы, расположенные в самом центре — дело абсолютно нереальное. Но, тем не менее, иногда при возрождении и перестройке старых церквей мы видим неудачные решения, которых можно было бы избежать. Восстановление многих церквей идет практически с нуля, поэтому на наш взгляд имело бы смысл восстанавливать не их дореволюционный облик, а воссоздавать их в новых архитектурных формах с учетом той среды, в которой они оказались. Именно такое решение было бы уместно при восстановлении куполов Крестовоздвиженской церкви или Афанасьевской домово́й церкви, которая сейчас расположена в здании Горного университета, а раньше была домово́й церковью Уральского горного училища. Но если раньше шатер и главка церкви перекликались с шатром и главкой крыльца и кокошником, акцентировавшим вход в храм, то сейчас эта перекличка отсутствует, а на фоне современного здания Горного университета, расположенного слева от церкви, купол выглядит чужеродным включением.

Есть и совсем вопиющие примеры. В результате строительства рядом с Иоанно-Предтеченской церковью административных зданий, сооружения, имитирующие стилистику барокко, слились с конструктивистскими зданиями. Еще более неканоничной выглядит их постановка. Административное здание фактически заслонило собой церковь. Это противоречит уже не просто правилам градостроительного искусства, но и самим канонам православной церкви. Никогда административное здание не было более значимым, чем Дом Божий. И такого не позволяли себе даже самые влиятельные деятели церкви, являющиеся в своих владениях полновластными владыками.

Перейдем теперь к проблеме строительства новых храмов. С одной стороны, казалось бы, их судьба должна складываться более удачно. Они строятся полностью с нуля на новом месте и поэтому, выбирая место для их возведения можно учитывать специфику современной застройки. Но здесь возникает совсем другая абсолютно принципиальная проблема. До 1917 г. даже самые высокие дома в столицах Российской Империи имели максимум пять–шесть этажей.

Поэтому храм в окружении современных зданий той эпохи оставался безусловной архитектурной доминантой. Сейчас в современных спальных районах даже пятиэтажки строятся достаточно редко. Обычная застройка — это 9, 12, 16-этажные здания. Даже самый большой и помпезный классицистический или неовизантийский собор будет теряться в этом окружении. Идти просто по пути механического увеличения размеров вряд ли разумно, да и просто физически невозможно, разве что строить храм, равный по масштабу египетским пирамидам. Поэтому следует создавать какой-то новый архитектурный стиль, на что РПЦ, будучи достаточно консервативной организацией, вряд ли пойдет. Строить новые храмы в центре города, где пока еще сохраняется относительно малоэтажная застройка, достаточно сложно, поскольку пустующего места практически не осталось. Удачно сложилась судьба храма в честь Рождества Христова на Уралмаше, но пустых площадей в центре города или даже в центре городских районов больше практически нет. Неудивительно, что большинство новых церквей стремятся располагать в парках и лесопарковых зонах (церковь Во Имя Святого Праведного Симеона Верхотурского, храм Во Имя Святого Благоверного Князя Дмитрия Донского, храм Во Имя Святого Целителя Пантелеймона и т.д.) либо на кладбищах (храм Во Имя Святого Марка Печерского Гробокопателя, храм Во Имя Святого Николая Чудотворца, часовня Во Имя Всех Святых на Северном кладбище). Но даже и в этом случае мы часто сталкиваемся с непродуманными решениями. Расположенные на улице Цыганской два храма фактически спрятаны за «новорусскими» (или новоцыганскими?) коттеджами. Воспринимать храмы с какой-либо точки зрения просто невозможно, поскольку такая точка в принципе отсутствует. Церкви совершенно сознательно упрятаны от посторонних, что наверно соответствовало пожеланию заказчика, но явно противоречит самому духу православного христианства, согласно которому церковь должна быть открыта всем верующим. Купцы XIX в., даже «отмывая» деньги от полузаконных сделок, все же ставили церковь так, что она была открыта всему городу. Достаточно вспомнить великолепные панорамы великоустюжских или каргопольских церквей.

Храм В Честь Иконы Пресвятой Богоматери Державная, построенный из дерева под зеленой кровлей, несомненно очень живописно смотрится в лесной зоне. Но это домовая церковь онкологического госпиталя. Традиционно домовая церковь и само здание больницы являло собой единое целое. Здесь этого единства нет.

Проблема, вероятно, заключается в том, что госпиталь, разумеется, построен в соответствии с тенденциями архитектуры XX в. РПЦ же упорно не приемлет каких-либо современных решений в отличие от католической церкви, которая еще на Втором Ватиканском соборе в 60-х гг. прошлого века признала возможность строительства храмов в современной стилистике. РПЦ такого подхода в принципе не признает. Именно поэтому сейчас на строящейся церкви Во Имя Святого Равноапостольного Князя Владимира красуется традиционный золотой купол, венчающий собой конструктивистский параллелепипед. А ведь церковь в стилистике конструктивизма могла бы стать достаточно ярким и неординарным решением. Напрашиваются и другие смелые и парадоксальные ходы. Очень любопытно выглядит храм Во Имя Святой Татьяны, волей случая повторяющий идею первых христианских храмов-катакомб. Пустующих подвалов в городе множество. Строительство подземных, пещерных храмов отнюдь не противоречит христианской традиции и могло бы дать принципиально новые решения. Проблема соответствия церкви современной архитектурной среде в таком случае даже бы не встала. Недостроенная телевизионная башня в любом случае не позволяет Свято-Троицкому собору быть архитектурной доминантой. При этом если смотреть на собор с перекрестка улиц Куйбышева–Белинского силуэт башни накладывается на силуэт колокольни и иллюзорно возникает ощущение еще одной колокольни. Превращение телевышки в храм-колокольню в стиле хайтек позволило бы создать очень интересное архитектурное решение.

Можно приводить и другие не самые удачные решения, но это лишь умножит список отрицательных примеров. Мы должны признать, что в настоящее время вновь построенные церкви удачно вписываются в городскую среду лишь в единичных случаях. Такие положительные примеры можно пересчитать по пальцам — храм Во Имя Святого Серафима Саровского, храм В Честь Рождества Христова, храм Во Имя Святого Благоверного Князя Дмитрия Донского. Легче решить эту задачу, когда речь идет о небольшой деревянной церкви, расположенной на кладбище или в лесопарковой зоне, но бесконечно эксплуатировать идею единожды найденную в комплексе Ганиной Ямы невозможно.

Кстати сказать, и сам комплекс монастыря В Честь Святых Царственных Страстотерпцев в настоящее время практически изуродован введением в тело деревянных церквей камня. Есть правила, которые нарушать нельзя. Можно возрождать традиции псковской

архитектуры, а можно возрождать традиции деревянной архитектуры русского Севера. Но нельзя одновременно делать и то, и другое. Можно ходить в кроссовках и бейсболке, а можно в шляпке с перьями и мантио из норки, но нельзя ходить в кроссовках и в шляпке.

Подводя итоги, следует признать, что, сейчас возрождая религию и старые храмы, а также активно строя новые, архитекторы и деятели церкви даже не пытаются создать какие-то целостные архитектурные ансамбли или хотя бы позаботиться о том, чтобы церковь достойно выглядела на фоне своего ближайшего окружения. Впрочем, возможно для этого просто не пришло еще время.

Н.И. Медовщикова (Невьянск, Россия) З.Л. Андерсон (Лондон)

ГЛАВНЫЕ ЧАСЫ НЕВЬЯНСКА

Невьянская башня — уникальный памятник архитектуры XVIII в., привлекала и привлекает к себе путешественников, ученых, краеведов. Но, научные исследования начались лишь в 30-е гг. XX в. и эпизодично продолжались в течение XX в. Бессистемность исследований, отсутствие полной долговременной программы изучения, длительный период закрытости Невьянского механического завода, на территории которого находилась башня, давали лишь частичное раскрытие отдельных аспектов в ходе исследований разных лет. Но все это способствовало решению лишь частных вопросов историко-культурной роли и технического состояния башни.

Одно из таких исследований — куранты Невьянской башни. Кто автор? Где они были приобретены, кем, когда и как доставлены в Невьянский завод? Кем, когда и как проходила реставрация часового механизма? Эти вопросы задавали В.Г. Федоров¹, И.М. Шакинко², реставраторы в 70-е гг. XX в. Эти задачи поставлены и в данной работе. Мы имели лишь отрывочные факты о реставрации 1974–76 гг.: несколько фотографий, снятые во время реставрации барабаны дубовые, храповое колесо, стрелки циферблата; воспоминания о мастерах, следивших за часами, хранящиеся в музеях Невьянска: ОГУ НГИАМ и МИНЗ, частично материалы из архивов, библиотек страны.

В документе XVIII в. отмечалось «... на ней (башня) часы английские с курантами, в них 9 колоколов 249 пуд. 3 фунта»³. В XIX в. — «... в первом (ярусе)... имеется в действии часовая машина англинской работы...»⁴ В начале XX в. в описании Невьянского завода, (1907 г.) отмечено, что «... год изготовления их и мастер неизвестны.